

Увидев это, Кунчжи и Кунъю бесцеремонно оттолкнули Юй Уцюэ и ворвались внутрь. Следом за ними, словно из-под земли, появился целитель-марионетка с аптекарским сундучком в руках. В отличие от ошеломлённого Уцюэ, они не выказывали паники, но лица их были омрачены глубокой тревогой. Не теряя ни секунды и не проронив ни звука, марионетки принялись за дело: проверили пульс, пустили в ход иглы, влили лекарство — всё чётко, слаженно, одним плавным движением. Юй Уцюэ на цыпочках проскользнул следом и замер в углу, боясь даже вздохнуть.

Хэ Бугуй лежал бледный как полотно, плотно сомкнув веки. Его грудь едва колыхалась — казалось, жизнь теплилась в нём на самом доньшке, превратив великого заклинателя в хрупкую фарфоровую куклу, готовую расколоться от малейшего прикосновения. Судя по всему, перед тем как лишиться чувств, он вырезал пазы для деревянных креплений. При падении резец соскользнул, оставив на ладони глубокий порез. Кровь на полу уже запеклась, а на ране образовалась корочка — бессмертный пролежал здесь без сознания слишком долго, и никто этого не заметил.

«Ну и болваны тупоголовые», — в сердцах выругался про себя Юй Уцюэ.

Знают ведь, что хозяин болен, и всё равно позволили ему корпеть над деревом при свечах до глубокой ночи! Ладно бы не уложили спать — они даже войти в покои без спроса побоялись. Излишнее послушание марионеток порой выходило боком: преданность абсолютная, а толку чуть, раз не могут уберечь господина.

Марионетки попытались перенести Хэ Бугуя на постель, но действовали так нерешительно, словно боялись помять подол его одеяния, не говоря уже о том, чтобы по-настоящему прикоснуться к телу господина. Уцюэ не выдержал этой нелепой возни. Отодвинув нерасторопных слуг в сторону, он забрал из безвольных пальцев резную стамеску, подхватил Хэ Бугуя под спину и колени и легко поднял на руки.

Мальчишке едва исполнилось шестнадцать, но благодаря вечной погоне за курами и гусями в родной деревне, да и усердному физическому труду в последние полмесяца, сил ему было не занимать.

Однако Хэ Бугуй оказался пугающе лёгким. Для своего немалого роста и духовного сана он почти ничего не весил. Обхватив его за тонкую талию, Юй Уцюэ сквозь слои шёлка отчётливо ощутил острые рёбра. Напуганный этой хрупкостью, юноша ослабил хватку — не дай бог оставить синяки — и с той же осторожностью, что и марионетки, бережно опустил бессмертного на ложе.

Поправив одеяло, Уцюэ отступил на шаг, уступая место лекару, но взгляда от Бессмертного Тайвэй не отвёл, впервые получив возможность рассмотреть его так близко.

Измученный недугом, Хэ Бугуй растерял всю свою былую суровость и величественность. Сейчас он походил не на грозного главу Парящего дворца, а на смертельно больного, хрупкого затворника. Колебаний духовной энергии вокруг него не ощущалось — значит, дело не в

искажении ци. Однако он выглядел глубоко истощённым: губы посинели, а пальцы стали ледяными. Всего две недели разлуки — и человек превратился в собственную тень. Как его угораздило так слечь?

Юй Уцюэ с искренней тревогой спросил:

— Я могу чем-то помочь?

Кунчжи покачал головой:

— Мы сами справимся. Молодому господину не стоит беспокоиться.

— Чем болен Бессмертный Тайвэй? Это случалось раньше?

Марионетка немного помолчала, прежде чем ответить:

— Это личное дело господина. Нам не положено говорить об этом.

Получив вежливый отказ, Юй Уцюэ не стал настаивать и принялся приводить в порядок рабочий стол бессмертного. Тем временем целитель закончил с иглами и начал вливать в больного духовные силы. Марионетки действовали слаженно и без суеты — видимо, спасать хозяина в подобном состоянии им приходилось не раз. Спустя время, за которое успела бы догореть благовонная палочка, в покои принесли дымящийся отвар. Кунчжи, заметив, что Уцюэ всё ещё крутится в комнате, вытирая пыль и выдумывая себе работу, попытался его выпроводить:

— Молодой господин, вам пора к себе. Почему вы не уходите?

— Подожду, пока он очнётся, — упрямо буркнул Юй Уцюэ. Он как раз закончил сметать стружку со стола и теперь придирчиво протирал книжный шкаф. Обернувшись, юноша бережно приподнял принесённый с собой короб с едой. — Я ведь весь вечер у плиты простоял. Надо же, чтобы старейшина хоть немного попробовал.

Кунчжи бросил короткий взгляд на постель:

— Боюсь, господин не станет есть. В последние дни он совсем отказывался от пищи.

— Вот потому и свалился! — наставительно, тоном умудрённого опытом старца проговорил Уцюэ. — Вы слишком послушны. Раз он говорит «не буду», вы и рады соглашаться. Но как можно идти на поправку на пустой желудок?

Кунчжи растерянно моргнул.

— Это коронные блюда моей бабушки Гуань Ся, я научился готовить их почти так же вкусно, — продолжил уговаривать юноша. — Пусть сделает хоть пару глотков, и я сразу уйду. Честное слово, торчать тут не буду. Договорились?

— Но...

— И никаких «но»!

Уцюэ притащил табурет, уселся у изголовья кровати и вольготно закинул ногу на ногу:

— Раз уж Бессмертный признал меня своим слугой, то заботиться о его здоровье — мой прямой долг. Я, как и вы, не засну спокойно, пока не увижу, что он пришёл в себя.

Кунчжи посмотрел на запёртый короб, откуда доносился едва уловимый аромат куриного бульона и сладкой выпечки, вздохнул и молча сдался, позволив Уцюэ остаться.

Прошёл час, прежде чем Хэ Бугуй пришёл в себя. В его покоях всегда царила мёртвая тишина, поэтому любой шорох мгновенно привлекал внимание. А уж этот звук — размеренное, знакомое шуршание резца по дереву — он не мог перепутать ни с чем. Повернув голову, старейшина увидел у стола белую фигуру: Юй Уцюэ, устроившись на полу по-турецки, увлечённо что-то вырезал.

«И всё-таки пробрался в спальню. Совсем страх потерял», — подумал Хэ Бугуй.

Он попытался приподняться на локтях, собираясь призвать наглого мальчишку к ответу, но в горле мгновенно пересохло, и он зашелся в мучительном, глухом кашле.

Уцюэ вскинул голову:

— Очнулись, старейшина?

Отложив заготовку, он тут же подхватил чашку с тёплой водой и на цыпочках подбежал к постели. Присев рядом, юноша бережно протянул питьё:

— Сделайте глоток, горло смягчить. Вода как раз остыла, не обожжётесь.

Хэ Бугуй слабо отвёл его руку с чашкой и требовательно уставился на непрошеного гостя:

— Кто позволил тебе войти?

— Сам вошёл. Без спроса, — честно признался Уцюэ.

— Дерзость...

Хэ Бугуй охрип, и его упрёк прозвучал совсем беззащитно. Сиди он на высоком троне в главном зале, нахмутив брови и глядя свысока, у Юй Уцюэ от одного такого слова побежали бы мурашки по спине. Но сейчас, когда этот некогда грозный заклинатель лежал под одеялом с растрёпанными волосами и бледным лицом, в его голосе не было и капли прежней угрозы.

К тому же за эту ночь Уцюэ уже успел совершить куда более тяжкие прегрешения — бесцеремонно облапал и перенёс на руках самого Бессмертного Тайвэй, так что обычное вторжение в спальню казалось ему сущей мелочью. Мальчишка заметно осмелел.

— Да-да, виноват, кругом виноват, — покладисто закивал Уцюэ. Он смотрел преданно и тепло во мраке покоев. — Только не сердитесь раньше времени, послушайте сначала. Днём ко мне заглядывал Юэ Тинфан и обмолвился, что вам нездоровится. Я весь вечер готовил бульон и сладости, чтобы поддержать ваши силы. Принёс, стучал-стучал — тишина. Вот и зашёл без приглашения, а вы на полу без чувств лежите. У меня аж сердце в пятки ушло! Кунчжи с помощниками, конечно, дали вам лекарство, но уйти, не дождавшись вашего пробуждения, я просто не мог.

Хэ Бугуй скользнул взглядом в сторону стола:

— А у верстака ты что делал?

— Пыль протирал да пол подметал. Потом вспомнил, что вы упали прямо за работой. Подумал, вдруг эти детали нужны срочно, а чертежи-то вот они, на виду лежали... Ну я и решился закончить. Пазы там несложные, я строго по вашим наброскам вырезал.

На краю стола ровным рядом красовались свежее обработанные деревянные бруски. Работа была выполнена на удивление аккуратно, срезы вышли чистыми и точными.

Короб с едой стоял на тёплой решётке жаровни, от него поднимался аппетитный, дразнящий аромат. Сам Юй Уцюэ с перекинутой через плечо тряпкой и засученными рукавами действительно походил на заправского слугу. Парень явно не врал. За одну ночь он успел побывать и плотником, и поваром, и уборщиком. Выходит, за те полмесяца, что Хэ Бугуй не обращал на него внимания, затворник не только не обленился, но и проявил завидное рвение.

Видя такое искреннее рвение, Хэ Бугуй немного смягчился. Собственная слабость, представшая перед чужими глазами, его мало заботила, но столь неприкрытая, почти семейная забота обескураживала. Все эти подушки, заботливо подложенные под спину, чашка

воды у самой постели — к подобному он совершенно не привык. И всё же, сломленный болезнью, противиться этой мягкой настойчивости он не стал и бессильно откинулся на предложенную опору.

— Сделайте глоток, — повторил Уцюэ.

— Не хочу воду. Принеси чаю.

— Никакого чаю на пустой желудок, — отрезал парень, упрямо вкладывая чашку в ладонь старейшины. — Вы бог весть сколько дней маковой росинки во рту не держали, крепкий чай только вред нанесёт. Пейте воду, она полезнее.

Хэ Бугуй лишился дара речи от такой наглости. Но спорить сил не было, поэтому он лишь молча пригубил воду.

Заметив его покладистость, Уцюэ тут же распахнул короб:

— А теперь поешьте. На одной воде ноги протянуть недолго. Я приготовил всё самое нежное, тающее во рту. С чего начнёте?

Во рту у Хэ Бугуя стояла горькая сушь, слабость сковала тело, и на лице его отразилось искреннее отвращение:

— Не буду.

— Так не пойдёт, хотя бы три ложки, — заворчал Уцюэ, словно нянька над капризным ребёнком поднося блюдце к его лицу. Старейшина отвернулся. — Ладно, тогда одну ложку. Я ведь так старался, душу вложил. Съешьте ложечку, и я сразу уйду.

— У меня нет аппетита.

— Ну тогда хотя бы половину?

Хэ Бугуй упрямо отвернулся к стене, не желая даже тратить силы на пререкания. Он привык жить по собственному усмотрению. В его чертогах обитали лишь безмолвные марионетки, которые беспрекословно исполняли любую волю и никогда не смели перечить хозяину. Никто и помыслить не мог, чтобы заставлять Бессмертного Тайвэй есть или пить против воли.

Юй Уцюэ же, прикрываясь исключительно благими намерениями, рассудил, что за заботу его палками не побьют, а потому упрямством не уступал больному:

— Я не ведаю, что у вас за недуг, но даже дураку ясно: вы довели себя до полного истощения, бездумно расходуя духовные силы. Наверняка стряслось что-то серьёзное, раз потребовались такие жертвы. Но если дело не терпит отлагательств, вам тем более нужно поскорее встать на ноги! Кунчжи обмолвился, что вы уже несколько дней голодаете. Разве так можно? Ну же, всего один кусочек. Это рецепт моей бабушки, пальчики оближешь. Соглашайтесь, Бессмертный Тайвэй?

Настырный юноша напоминал зазывалу у дешёвой харчевни, от криков которого уже начинала раскалываться голова. Хэ Бугуй не выдержал и холодно процедил:

— За излишним рвением всегда кроется корысть.

Юй Уцюэ поперхнулся воздухом.

Значит, старейшина воротит нос от еды только потому, что заподозрил его в тайных помыслах? Подобная подозрительность уколола Уцюэ, но, подумав о скверном нраве затворника и его многолетнем одиночестве, он решил не спорить с больным. Если ради того, чтобы этот упрямец поел, нужно признаться в корысти — что ж, скрывать ему всё равно нечего, зла он не замышлял.

Уцюэ прямо выложил карты на стол:

— Ваша правда. Я пришёл подмазаться и действительно хочу просить вас об одной услуге.

Хэ Бугуй так и думал, что за душой у наглеца припрятан какой-то интерес, но столь обезоруживающая честность его озадачила. Он невольно спросил:

— И чего же ты хочешь?

— Скоро начнётся Собрание Облачной Вершины. Мой названный брат, с которым мы выросли бок о бок, будет участвовать в состязаниях. Мы давно договорились, что я обязательно приду поддержать его на отборочных испытаниях. Но сейчас, из-за своего проступка, я заперт здесь и ужасно боюсь пропустить его триумф. Обещаю, я выполняю любое ваше поручение без сучка и задоринки. Впереди ещё два месяца наказания. Если за это время вы сочтёте мою службу приличной, не могли бы вы отпустить меня на денёк вниз? Заодно и бабушку проведаю.

Уцюэ поспешно замахал руками, упреждая возражения:

— Всего на один день! Пусть Ся Сы со своими ребятами идёт за мной шаг в шаг. Как только всё закончится, я сразу вернусь, ни минуты лишней не проведу.

Конечно, это было подхалимством, но Юй Уцюэ также пытался таким образом отблагодарить Хэ Бугуя за доброту. Вообще-то его главной заветной мечтой было напроситься к старейшине в

ученики, но заикаться об этом сейчас он не смел — Хэ Бугуй наверняка выставил бы его взашей. А вот повидаться с другом и бабушкой — цели вполне невинные и понятные. Раз уж старейшине непременно требовалось знать подоплёку его заботы, скрывать их не было смысла.

Хэ Бугуй выслушал его, опустив ресницы. Спешить с отказом он не стал. Помедлив, он сухо уронил:

— Я подумаю над этим. Всё зависит от твоего усердия. А льстить мне без нужды не стоит. Ступай.

Юй Уцюэ, впрочем, уходить не торопился. Он принялся неторопливо расставлять на столике принесённые угощения.

— Пусть это и подкуп, но сделан он от чистого сердца, — с улыбкой проговорил он. — Раз уж вы согласились выслушать мою просьбу, окажите честь, попробуйте. Считайте это началом моего примерного поведения. Я не знал ваших вкусов, поэтому приготовил и сладкое, и солёное.

В этот момент в покои бесшумно скользнул Кунчжи. Завидев Уцюэ, который преспокойно сидел на корточках у постели и расставлял тарелочки, марионетка на мгновение застыла от изумления, но быстро взяла себя в руки:

— Господин, вернулись теневые марионетки. У них есть срочные известия.

— Тогда я пойду, — спохватился Уцюэ и, закончив сервировку, послушно направился к выходу.

— Доброй ночи, молодой господин. И спасибо за помощь, — негромко поблагодарил Кунчжи.

Уцюэ широко улыбнулся, подмигнул слуге и выразительно указал глазами на оставленные блюда, после чего бесшумно выскользнул за дверь.

Стоило двери захлопнуться, как Кунчжи опустился на колени:

— Прошу прощенья, господин. Я совершил проступок, позволив чужаку проникнуть в ваши покои без вашего ведома.

Хэ Бугуй устало взмахнул рукой, велая ему подняться:

— Оставь это. Ближе к делу. Что доложили тени?

— Теневые дозорные проверили всех обитающих в горах священных зверей, — заговорил

Кунчжи. — Мелкие создания со слабым совершенствованием ведут себя мирно. А вот крупные хищники, чья дикая природа не была искоренена до конца, в последнее время проявляют крайнее беспокойство. Они стали агрессивными, их духовная энергия нестабильна. Несколько тварей даже ухитрились сорвать сдерживающие талисманы. Если бы не усиленные патрули перед началом Собрания, они бы уже давно вырвались на волю.

Хэ Бугуй нахмурился:

— Обнаружили следы чужого вмешательства?

Кунчжи кивнул:

— Вне всяких сомнений, это техника «Мутной Луны». Глава дворца приказал не поднимать шума, дабы не спугнуть злоумышленника. Внешние следы заклятия стёрты, сейчас ведут скрытые поиски источника. Ясно одно: все звери, предназначенные для отборочных испытаний, подверглись тёмному внушению.

Значит, нападение зверя Кунда не было спланированной атакой на Уцюэ. Как и предполагал Хэ Бугуй, зона действия «Мутной Луны» оказалась слишком обширной, и тварь просто попала под раздачу.

За долгие века Дворец Небесного Предела истребил немало нечисти, но порой проявлял милосердие к редким видам. Большинство чудовищ, запертых в запретных землях, отличались свирепым нравом, однако многие из них вели свой род с древнейших времён. Убивать их было жалко, поэтому старейшины ограничивались подавлением их сил с помощью талисманов и формаций. Ослабленные до одной десятой своей мощи, звери не представляли смертельной угрозы и служили отличным подспорьем для тренировок молодых адептов.

Однако на Собрании Облачной Вершины ученикам предстояло сражаться не на жизнь, а на смерть. Для испытаний отбирали сильнейших монстров и временно возвращали им до половины их первозданной силы. Если во время турнира чудовища попадут под влияние ментальной магии и потеряют рассудок, трагедии не избежать.

Хэ Бугуй задумчиво перебирал пальцами край одеяла:

— Похоже, удар нацелен прямоком в сердце Дворца Небесного Предела.

— Глава дворца Бай Инчи выделил дополнительных людей для охраны вольеров с монстрами, — добавил Кунчжи. — Но поиски заклинателя продвигаются медленно: след слишком призрачный, на это потребуется время.

Если даже Бай Инчи не сумел сразу отыскать виновника, значит, таинственный враг невероятно силён в магии души. И всё же в этой мозаике не хватало важной детали. Если

мастер превосходил всех в искусстве ментального воздействия и мог незаметно подчинять своей воле чудовищ, зачем ему было распространять чары «Мутной Луны» столь небрежно, зацепив Гору Алого Золота и выдав себя Хэ Бугую? Была ли это досадная оплошность, или же заклинатель намеренно отвлекал их внимание, преследуя иную, куда более опасную цель?

— Отправь всех теневых марионеток в дозор, — распорядился Хэ Бугуй. — Каждое чудовище должно быть под непрерывным тайным наблюдением. О любых странностях докладывать незамедлительно. И так вплоть до окончания Собраний, пока последний гость не покинет пределы Дворца.

— Слушаюсь. А как быть с молодым господином Юй?..

Резонанс душ можно сдерживать барьерами, но полностью скрыть его невозможно. Под защитой мощного барьера Парящего дворца Юй Уцзюэ находился в относительной безопасности, однако стоило ему покинуть гору, как он превратился бы в лёгкую мишень. Пока личность кукловода оставалась тайной, Хэ Бугуй не мог рисковать.

Бунт монстров или извержение Горы Алого Золота ещё можно остановить силами заклинателей. Но если распахнутся врата Города Бессмертия, это будет означать открытие прохода в само Царство мёртвых. Как живым сражаться с мириадами свирепых призраков? Как смертным устоять перед хладным дыханием бездны?

— Никуда его не отпускать, — твёрдо произнёс Хэ Бугуй.

— Будет исполнено, господин.

Закончив с докладом, Кунчжи извлёк из рукава изящную парчовую коробочку:

— Глава дворца просил передать это вам. Он знает, что вы тратите колоссальные силы на подавление Горы Алого Золота, и тревожится за ваше истощённое тело. В шкатулке десять пилюль, способных временно заменить энергию Золотого Ядра. Помните: за один раз разрешено принимать не более одной штуки.

Во взгляде Хэ Бугуя промелькнуло сложное чувство. Он бережно принял коробочку:

— Что ещё передал старший брат?

— Глава дворца порывался лично навестить вас, но я, следуя вашим прежним указаниям, отклонил его визит. Из страха рассердить вас навязчивостью он лишь велел нам неусыпно следить за вашим здоровьем и не потакать вашему обыкновению морить себя голодом.

«И этот туда же с нотациями», — мысленно вздохнул Хэ Бугуй и с лёгкой иронией заметил:

— Последнее напутствие ты, верно, от себя добавил?

Кунчжи покорно склонил голову, покосившись на оставленные Уцюэ тарелки:

— Ваш слуга не посмел бы. Однако раз уж молодой господин принёс еду, позвольте мне помочь вам подкрепиться.

Тело Хэ Бугуя действительно увядало, и обычная пища мало чем могла помочь. Лишь непрерывный приток мощной духовной энергии удерживал жизнь в этом израненном, угасающем сосуде его плоти. Пилюли, присланные Бай Инчи, содержали в себе чистейшую силу мастера Золотого Ядра. Одному богу известно, сколько времени и сил старший брат потратил на то, чтобы собрать и запечатать эту энергию в крошечном флаконе.

В шкатулке тускло поблёскивали идеально круглые полупрозрачные шарики, напоминающие драгоценный нефрит, под оболочкой которого клубилось тёплое золотистое сияние первозданной янской энергии. Хэ Бугуй сжал коробочку в ладони и тихо вздохнул.

Заметив мимолётную грусть хозяина, Кунчжи мягко произнёс:

— Глава дворца и Бессмертная Тайцин наперебой пытались прислать вам снадобья. Большую часть я вежливо вернул, но этот дар слишком драгоценен, чтобы от него отказываться. Они искренне любят вас, господин.

— Знаю.

— Но если бы вы позволили им помочь с усмирением Горы Алого Золота, вам бы не пришлось так страдать...

— Они без пяти минут небожители, — перебил его Хэ Бугуй, устремив взгляд на золотистое свечение пилюль. — Они стоят на пороге стадии Перехода, и никто не знает, в какой миг грянет их Небесное бедствие. Я не позволю им растрачивать крупницы духовных сил на мои заботы. К тому же сейчас, когда в мире вновь заговорили о запретном искусстве душ, покой висит на волоске. Впереди их ждёт немало невзгод. А Гора Алого Золота — это бремя Парящего дворца, и я с ним справлюсь.

Он строго посмотрел на слугу:

— Помни: ни слова о моём истинном состоянии. Если станут расспрашивать, отвечай, что... у меня всё в порядке.

— Как и всегда, господин. Не беспокойтесь.

Хэ Бугуй прекрасно знал предел собственных сил, и то, за что он брался, лежало в границах его возможностей. Зачем тревожить близких по пустякам? Бай Инчи и Бай Шуцзин никогда не сомневались в его мастерстве, однако слабое здоровье младшего брата давно приучило их опекать его при малейшем поводе. Привычки, укоренившиеся веками, искоренить не так-то просто. Когда-то Хэ Бугуй с радостью принимал их безграничную нежность, чувствуя себя защищённым, но теперь он планомерно и жёстко выстраивал вокруг себя ледяную стену отчуждения.

В детстве, когда он только-только попал во Дворец Небесного Предела, старшие брат и сестра поочередно нянчились с ним, баловали и любили преданнее, чем родная кровь. Тогда он наивно полагал, что обрёл вечный приют. Ему казалось, что этот сказочный мир никогда не рухнет: почтенный наставник заменит отца, а любящие шисюн и шицзе всегда будут рядом.

Но иллюзии рассеялись без следа. Сначала вознёсся на небеса прежний владыка школы. Затем отправился странствовать по свету Старейшина Сюаньцзи. А теперь и чета Бай вплотную подошла к стадии Перехода. Хэ Бугуй слишком поздно осознал горькую истину: вечного не существует, и ему никогда не избежать неизбежного расставания и боли утраты.

Каждая новая привязанность в этом мире лишь обрекала его на новые муки грядущей разлуки. Ему было даровано бессмертие, равное жизни самих небес, но этот великий дар нёс в себе лишь бесконечную горечь. Именно поэтому он отчаянно рвал любые узы, стремясь к полному одиночеству. Тот, кто никого не знает, ни о ком не скорбит. Подобное безразличие шло рука об руку с заветами наставника: «Не привязывайся к малому, полюби весь мир — в этом кроется Дао».

И всё же всепоглощающая пустота одиночества порой отступала перед крупными искреннего тепла. Пилюли старшего брата, ласковый шёпот сестры и даже эти нехитрые сладости, приготовленные взбалмошным мальчишкой... В моменты глубокой слабости и тоски вся эта забота просачивалась сквозь толстую броню, которую он так тщательно выстраивал годами. Она обжигала его очерстевшую душу, заставляя ледяное сердце плавиться вопреки разуму.

— Ладно, — выдохнул Хэ Бугуй, убирая шкатулку в ящик. Взгляд его невольно упал на расставленные тарелки. — Во рту совсем горько. Пожалуй, съем немного сладкого.

Пряное пирожное буквально растаяло на языке, оставив тонкий аромат корицы и душистого османтусового сахара. Хрустящие жареные шарики с весёлым названием «Радость» оказались с начинкой из дроблёного арахиса, кунжута и периллы — ни один вкус не повторялся. Когда от обилия сахара во рту стало приторно, пришёлся как нельзя кстати прохладный лилейный отвар, который мягко снял жар и прогнал душноту.

Еда, приготовленная с такой заботой, согрела не только тело, но и душу.

— На удивление недурно, — тихо обронил Хэ Бугуй, что из его уст было величайшей похвалой.

Кунчжи, видя аппетит господина, искренне обрадовался:

— Молодой господин Юй упомянул, что в детстве целыми днями крутился на кухне возле бабушки Гуань Ся, примечая каждую мелочь. Став старше, он и сам набил руку. Чтобы приготовить эти блюда для вас, он провёл у печи без малого три часа.

Хэ Бугуй задумчиво переходил от одного лакомства к другому:

— Чем он занимался все эти дни, пока меня не было?

— Исправно выполнял каждое поручение из книги записей, ни одного дела не забросил. Молодой господин на редкость деятелен. По ночам он до глубокой темноты возится со своими деревянными куклами, ложится не раньше полуночи, а уже на рассвете вовсю тренируется на площадке.

Хэ Бугуй облизал губы, на которых ещё оставались крупинцы сладкой пудры, промокнул рот шёлковым платком и вновь напустил на себя строгий вид:

— Впредь не позволяй ему входить в мои покои без спроса. Однако...

Старейшина запнулся на мгновение, а затем продолжил:

— Открой ему доступ в Сад Осенних Плодов и Библиотеку. Если захочет взять книги по мастерству марионеток — препятствий не чини.

Книги, хранившиеся в Библиотеке, большей частью являлись редчайшими фолиантами или личными записями самого Хэ Бугуя. Для мастера марионеток его собственные чертежи и расчёты были равносильны тайным техникам великих кланов, которые никогда не передавались чужакам.

Кунчжи изумлённо вскинул брови:

— Господин не боится, что молодой господин Юй переметнётся к вашим секретам и тайно переймёт мастерство?

Хэ Бугуй бросил взгляд на аккуратно вырезанные пазы на верстаке. В памяти невольно всплыл образ мальчишки: усевшись на полу, склонив голову набок, тот сосредоточенно корпел над деревом. Пожалуй, этот несносный сорванец затихал только во время создания кукол. Страсть к ремеслу в нём была неподдельной. Раз уж у парня лежит к этому душа, старинные трактаты придутся ему по вкусу. Будет платой за сегодняшнюю заботу и вкусный ужин. В конце концов, Хэ Бугуй не привык оставаться в долгу.

— Если сумеет постичь учение по моим заметкам — значит, у него действительно есть талант. Пусть пробует, — небрежно обронил старейшина.

Тепло разлилось по жилам, возвращая мыслям былую ясность. Отбросив одеяло, Хэ Бугуй поднялся с постели и вновь сел за рабочий стол.

— Кунчжи, через полмесяца мы должны полностью запечатать Гору Алого Золота. Всё готово?

— Великая формация закрытия гор, завязанная на Парящий дворец, полностью активирована. Марионетки-целители находятся в полной боевой готовности. Мы защитим вас ценой своих жизней, господин.

— Хорошо. Зажгите больше светильников и ступайте, — Хэ Бугуй вновь взял в руки резец, но его взгляд случайно зацепился за край стола. — Постой.

— Что-то ещё, господин?

Раз уж бульон варился целых три часа, а расплатой за него послужат вековые свитки из закрытого архива, то не будет грехом выпить ещё пиалу.

Хэ Бугуй нарочито равнодушно бросил:

— Бульон оставь.

<http://bllate.org/book/20165/2131819>